

В ночь перед возвращением в школу Ли Чжи долго настраивал себя, пытаясь обрести хоть какое-то душевное равновесие. Уснул он поздно, а проснулся задолго до рассвета от внезапного толчка тревоги. На экране телефона светились цифры — едва перевалило за пять утра.

Больше уснуть не удалось. Когда пришло время вставать, он поплелся в ванную, измученный и разбитый. Зубная паста никак не ложилась на щетку — белая лента раз за разом срывалась и падала в раковину. Только тогда Ли Чжи понял, что его бьет крупная дрожь.

Дорогу до школы он помнил смутно, словно в полусне. Но стоило переступить порог класса, как сердце бешено заколотилось у самого горла. В кабинете мгновенно повисла удушливая, неестественная тишина, но почти сразу всё вернулось на круги своя — снова поднялся привычный гул.

Ли Чжи судорожно сжал лямку рюкзака. Он кожей ощущал, как в спину вонзаются косые взгляды — в основном это были дружки Ван Кайсюаня. Сам зачинщик тоже сидел на своем месте. Вот только в отличие от прихвостней, он даже не повернулся в его сторону, словно Ли Чжи вообще не существовало.

Однако легче не стало. Подобное равнодушие пугало сильнее открытой злости — это слишком походило на затишье перед бурей. Сколько продлится эта хрупкая передышка? Ван Сяочунь уверяла, что кошмар закончился, но Ли Чжи не мог отделаться от липкого страха. Что ждет его впереди — новая буря или долгожданное затишье?

Тревога не отпускала его весь день. Насмотревшись фильмов, где над изгоями измывались в школьных туалетах, Ли Чжи панически боялся туда заходить. Из-за этого он почти не пил воду, а когда терпеть становилось совсем невозможно, бежал через весь двор в общежитие, в свою комнату. И даже на этой короткой дистанции постоянно оглядывался, опасаясь слежки.

У него появился новый ритуал: прежде чем обуться, он обязательно переворачивал туфли и тщательно их вытряхивал. И пускай в комнате он жил один, а запасной ключ был только у комендантши, Ли Чжи больше не мог заставить себя просто сунуть ногу в ботинок. Паранойя пустила глубокие корни.

Переступая порог класса, он всякий раз невольно втягивал голову в плечи, ожидая, что сверху вот-вот прольется ушат ледяной грязной воды. Перед тем как сесть, он незаметно проводил ладонью по сиденью стула — проверял, не разлили ли там клей.

Каждое утро превращалось в безмолвную лотерею. Если классная доска оказывалась чистой, а крышка парты — не испорченной надписями, Ли Чжи испытывал робкое облегчение. Впрочем, радость тут же сменялась новым витком паранойи: он начинал ждать подвоха с удвоенным усердием.

Так пролетел целый месяц. Бесконечные тридцать дней, за которые не произошло ровным счетом ничего. Обидчики словно забыли о его существовании. Хулиганы по-прежнему

собирались своей компанией, травили анекдоты и дымили в коридоре у туалетов, но когда Ли Чжи проходил мимо, на него даже не смотрели. Единственное, что ему доставалось от бывлой враждебности, — это облако едкого сигаретного дыма.

«Неужели всё действительно закончилось? Неужели это правда?»

Эта мысль медленно крепла, пуская корни в его душе, пока наконец не укрыла своей тенью израненное сердце. Ли Чжи стал чаще улыбаться. В один из дней Гун Цзе, удивленно округлив глаза, заметила:

— Слушай, ты в последнее время прямо сияешь!

— Вот так гораздо лучше, — она ободряюще хлопнула его по плечу.

Стояла та дивная золотая осень, когда воздух пахнет прелой листвой и прохладой. Школьные аллеи засыпало мягким ковром из листьев гинкго, и в косых лучах полуденного солнца всё вокруг казалось сотканным из чистого золота — теплым, мирным и обнадеживающим.

Ли Чжи открыл дневник. Покрутив ручку в пальцах и задумчиво прикусив колпачок, он вывел в графе «Погода»:

После грозы всегда выходит солнце.

А строчкой ниже размашисто дописал:

Я верю, что всё обязательно наладится!

И нарисовал рядом широкую улыбающуюся рожицу.

— Ли Чжи!

Внезапный окрик заставил его вздрогнуть. Рука дернулась, и ручка прочертила по бумаге уродливую кривую линию. Он обернулся. У двери стоял одноклассник, с которым они почти не общались, кажется, кто-то из санитарного сектора.

— Сходи выброси мусор, — парень небрежно кивнул на ведро в углу.

Ли Чжи растерялся и тихо возразил:

— Но... сегодня ведь не моя очередь дежурить.

— Да знаю я, — раздраженно цыкнул тот. — Гун Цзе должна была убрать, но она умчалась на репетицию оркестра. Вы же с ней друзья, сложно помочь, что ли? Сейчас проверка придет, ведро полное.

Во время обеденного перерыва в классе почти никого не было. Ли Чжи бросил взгляд на пустующее место Гун Цзе. В груди шевельнулось нехорошее предчувствие.

— Но... разве санитарная комиссия ходит не по средам? Сегодня же только вторник.

— Тебе говорят идти, значит, иди, чего канитель разводишь? — бесцеремонно оборвал его одноклассник. — Мне только что сообщили, что на этой неделе проверку перенесли. Короче, шевелись. Если у нашего класса снимут баллы за чистоту, пеняй на себя!

Не дав Ли Чжи вставить ни слова, он развернулся и скрылся в коридоре. Делать было нечего. Ли Чжи вздохнул, поднялся из-за парты и нехотя потащил тяжелое ведро.

Мусорные контейнеры стояли на приличном расстоянии от учебного корпуса. Слева от площадки высилось здание школьного зала для бадминтона — его как раз закрыли на ремонт, и занятий там сейчас не проводилось.

А прямо напротив контейнеров чернел служебный вход в корпус искусств, на пятом этаже которого репетировал оркестр Гун Цзе.

Приближаясь к площадке, Ли Чжи действительно уловил доносившиеся сверху глухие отголоски музыки. Из-за высоты мелодию было толком не разобрать. Он не собирался здесь задерживаться: быстро вытряхнул ведро и уже развернулся, чтобы уйти, как вдруг его обострившийся за последний месяц слух уловил подозрительный шум.

За спиной раздались шаги. И судя по звуку, к нему приближался далеко не один человек.

Внутри у Ли Чжи всё похолодело. Он резко обернулся, но не успел даже разглядеть нападавшего, как в лицо ему с сухим свистом прилетел кулак.

— Агх!

Удар был такой силы, что в глазах мгновенно потемнело. Ли Чжи повело в сторону. Не успел он удержать равновесие, как следующий удар пришелся в челюсть. Ноги подогнулись, и он мешком рухнул на асфальт. Его тут же грубо схватили за шиворот и вздернули вверх.

— Кайсюань-гэ, куда этого ублюдка тащить?

Сквозь звон в ушах Ли Чжи услышал хриплый голос Ван Кайсюаня:

— Хань-гэ, куда его?

— В бадминтонный зал по соседству. Держи ключи.

Этот ленивый, вальяжный голос показался Ли Чжи до ужаса знакомым. Он с трудом приоткрыл заплывшие глаза. Сомнений не было. Это был...

Хань Цзяо!

— Лови, — Хань Цзяо, небрежно сунув одну руку в карман брюк, другой подбросил связку ключей.

Ван Кайсюань ловко перехватил ее на лету и плотоядно ухмыльнулся:

— Красава, век не забуду. С меня причитается, устрою нам как-нибудь настоящий отрыв.

Цзяо проигнорировал его щедрость. Лениво потирая подбородок, он с любопытством оглядел скорчившегося на земле Ли Чжи:

— Ну и как ты собираешься проучить этого выродка?

— Да эта тварь меня чуть в могилу не свела! — Ван Кайсюань сплюнул под ноги кровавую слюну. — Живьем гада закопаю. — Он огляделся по сторонам. — А где Баюй-гэ? Такой шанс поразвлечься, а его нет?

Хань Цзяо глумливо усмехнулся:

— Завуч вызвал его на ковер. Но Чжоу Баюй передал, что если ты хочешь проучить этого ублюдка — валяй, он не против. Только просил палку не перегибать, а то ему потом перед отцом отдуваться.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Кайсюань. — Не маленький, сам всё понимаю. Пусть не ссыт.

Он сделал знак своим прихвостням:

— Тащите его в зал. И еще... — его губы расплылись в гнусной, предвкушающей улыбке, когда он указал пальцем на переполненный мусорный бак, — вот это дерьмо тоже прихватите.

— Сука!

Сильный удар обутым носком пришелся Ли Чжи прямо в живот. Из легких с хрипом выбило весь воздух. Он сложился пополам и повалился на грязный дощатый пол спортивного зала.

— Я тебя, ублюдка, сегодня на ремни порежу! — надрывался Ван Кайсюань, нанося очередной удар. — Из-за тебя, говнюка, я три дня под капельницами валялся! Всё тело до сих пор ноет, тварь!

На самом деле вины Ли Чжи в его госпитализации не было — Кайсюаню неслабо прилетело от Чу Минчжана. Но зацепить Минчжана у трусливого мажора кишка была тонка, вот он и решил выместить всю злобу на том, кто не мог дать сдачи.

— Ты думал, всё обошлось? — Кайсюань издевательски расхохотался, впечатывая тяжелый кроссовок в ребра Ли Чжи. — Хрен тебе! Я каждый день твою рожу вспоминал. Сегодня мы с тобой за всё поквитаемся!

Ли Чжи только глухо стонал, задыхаясь от боли. Он катался по полу, инстинктивно пытаясь закрыть голову руками. Вокруг гоготали одноклассники — этот издевательский хор резал слух хлеще скрежета металла. Ван Кайсюань присел на корточки и с силой похлопал парня по затылку.

— А ты в курсе, шлюхин сын, что твоя мамаша приползала к нам домой вымаливать прощение? А?

— Твоя мамочка — шлюха первостатейная, раз сумела захомутать богатого мужика и влезть в приличную семью. Рожа у нее, надо признать, холеная, прямо загляденье. Был бы ты хоть немного на нее похож, у меня, может, и рука бы не поднялась на такую куколку... Но ты же, сука, уродливый, смотреть тошно.

— Она притащилась к нам с какими-то подарочными пакетами, — продолжал измываться Кайсюань, растягивая слова. — Присесть боялась, всё лебезила перед моей матерью, кланялась чуть ли не в пояс. Твердила: «Простите, ради бога, это всё мой непутевый сын виноват. Я не знаю, какая между мальчиками пробежала кошка, но это я упустила воспитание. Они же одноклассники, пусть Кайсюань не держит зла...»

— Пыталась за живое задеть, сучка. Но знаешь что, Ли Чжи? Пустая болтовня меня не колышет. Вот если бы твоя мамаша раздвинула передо мной ноги и дала разок хорошенько ее трахнуть, я бы, так и быть, тебя прости... А-а-а-а! Блять!

Визг Кайсюаня заложил уши.

Кто-то в панике заорал:

— Твою мать! Оттащите его! Скорее!

В тот миг Ли Чжи перестал соображать. Из глубин его истерзанного существа хлынула первобытная, бешеная ярость. Сорвав оковы страха, он каким-то чудом выкрутился из державших его рук, рванулся вперед и мертвой хваткой вцепился зубами в запястье Ван Кайсюаня.

Рот мгновенно заполнил горячий солоноватый привкус крови. Визг этой жирной свиньи действовал лучше любого допинга. Ли Чжи больше не чувствовал ударов, посыпавшихся на его спину, не чувствовал боли — в его гаснущем сознании пульсировала одна-единственная, дикая мысль: перекусить эту ублюдскую руку напополам.

Зубы вошли глубоко, до самого хруста костей. Сразу несколько пар рук вцепились в его плечи и волосы, пытаясь оттащить назад. Ли Чжи, собрав последние силы, резко мотнул головой в сторону — и раздался влажный, чавкающий звук рвущейся плоти.

— А-а-а-а-а! — истошно завыл Кайсюань, катаясь по полу и зажимая изуродованную руку.

Ли Чжи сплюнул на пол кусок чужого мяса и хрипло, безумно расхохотался. Кровь заливала его подбородок и шею, пачкая воротник рубашки.

— Ха-ха-ха... Ну что, сука?! Ха-ха-ха!

На полу быстро растекалась багровая лужа. Ван Кайсюань, бледный как полотно, едва держался на ногах, опираясь на испуганного дружка. Трясаясь от шока и боли, он ткнул здоровой рукой в сторону Ли Чжи:

— Сука... Кипяток... Тащите кипяток! Я его живьем сварю!

Один из прихвостней действительно схватил стоявший в углу большой термос и уже занес его над Ли Чжи, намереваясь сорвать крышку, но наперерез ему жестко легла чужая рука.

— Эй, — Хань Цзыяо недовольно нахмурился, удерживая парня за предплечье. — Это уже чересчур.

— Твою мать, Цзыяо, да ты посмотри на мою руку! — взвизгнул Кайсюань, протягивая окровавленное запястье.

Однако в глазах Хань Цзыяо больше не было прежнего азарта. На его лице читалось лишь глубинное, брезгливое отвращение.

— Набирайте скорую, — бросил он остальным шестеркам. — Хватит. Если поднимется шум, нам

всем пиздец. Завязывайте с этим и валим отсюда.

Ван Кайсюань хрипло, со свистом дышал. Ненависть буквально душила его. Он не мог просто так уйти, признав поражение. Лицо его исказилось в такой уродливой, злобной гримасе, что на него было тошно смотреть.

— Хрен с ним, с кипятком! — прорычал он. — Но эту мразь я без подарка не оставлю. Тащите сюда это!

Он ткнул пальцем в тот самый переполненный мусорный бак, который приволокли с улицы.

Шестерки переглянулись. Кому-то из них стало явно не по себе.

— Кайсюань-гэ... Может, не надо? И так уже кровищи по колено... — нерешительно подал голос один из парней.

— Да, забей, пошли отсюда...

— Ссыкуны гребаные! — сорвался на визг Ван Кайсюань, окончательно теряя рассудок от ярости. — Вываливайте, я сказал! Если что, я всю вину на себя возьму! Кто не хочет? Не сделаешь ты — следующий на его месте будешь лежать ты!

Он подскочил к парню, стоявшему ближе всех к баку, и с силой пнул его под колено.

Парень вжал голову в плечи. Он виновато посмотрел на распластанного на полу Ли Чжи, но, встретив безумный, обещающий расправу взгляд Кайсюаня, сдался. Закусив губу, он ухватился за край тяжелого бака и рванул его на себя, опрокидывая прямо над головой Ли Чжи.

Ли Чжи в ужасе широко распахнул глаза. Он снова попытался забиться, уползти, но державшие его парни, заметив приближающуюся зловонную лавину, сами попытались отпрянуть.

— Держать его, блять! — взревел Кайсюань. — Кто дернется — убью! Вали на него!

Всё, что успел сделать Ли Чжи до того, как мир погрузился во тьму, — это зажмуриться.

Гнилостный, удушающий хлам обрушился на него лавиной. Тяжелые жестяные банки, огрызки, жидкие помои и грязная бумага посыпались на лицо, забивая рот и нос. Острые углы каких-то упаковок больно вонзались в кожу, кости ломило от ударов тяжелого мусора, а липкая, вонючая жижа мгновенно пропитала одежду и волосы, намертво склеивая их.

Среди этого грязного хаоса он успел разглядеть лишь одну вещь. Последнее, на чем сфокусировался его угасающий взгляд перед тем, как окончательно померкнуть, была старая, потрепанная книга, выпавшая из кучи хлама прямо перед его лицом.

На помятой обложке красовалось название — «Унесённые ветром».

Ли Чжи когда-то читал её, пусть и бегло, пролистывая целые страницы. Но в памяти почему-то отчетливо отпечаталась одна-единственная фраза с самого финала:

«В конце концов, завтра будет новый день».

<http://bllate.org/book/20441/2130768>